

ЧЕЛОВЕК В МИРЕ ИСКУССТВА

Елизавета АНТОНОВА

Заведующая отделом по подготовке тематических материалов, журнал «Международная жизнь» (МИД РФ).
105064, Российская Федерация, Москва, Гороховский переулок, д. 14;
e-mail: grinui@rambler.ru

ПОЭТИЧЕСКИЙ ЯЗЫК ФИЛОСОФИИ

В истории культуры прослеживаются две модели познания. Наука, как известно, тяготеет к понятиям, к строгости и логичности. Искусство говорит на языке образов. На самом деле любая конкретная форма мышления не укладывается в рамки строгой логичности или строгой ассоциативности. К. Маркс не пренебрегал образным мышлением. Классическое искусство никогда не боялось использовать рассудочно осознанные формы. Однако в современной философии сложилась тенденция, свидетельствующая о том, что философия остро нуждается в поэтическом языке. В минувшем столетии М. Хайдеггер и Э. Гуссерль пришли к убеждению, что кризис современной философии вызван господством рассудочности, предельной онаученностью. Живая реальность скрылась под грузом абстракций, отвлечённостей. Чтобы вернуть философии живость, глубину и озарённость, ей следует обратиться к дорефлексивному, допонятийному мышлению. «Назад к вещам!» – так выглядит общий призыв, предполагающий возврат к живому языку, жизненному миру, эмоциональному самовыражению.

Ключевые слова: бытие, сущее, образ, мышление, рефлексия, жизненный мир, язык, поэзия, бездомность, потаённость

Образ – основа поэтического языка

«**О**пираясь на образы, как на представления, мы обычно рассматриваем воображение как способность создавать образы и оперировать ими, отводя воображению место в психологии. Но мы не забываем при этом, что высшая деятельность воображения протекает в области “идей”, и что образ есть не только представление, а также и *смысл*, и иногда только смысл, и что представимость образа является только частью кажущейся. Нередко мы только понимаем образ, а представляем его себе» [6, с. 140].

Философия разговаривает на языке понятий. Она стремится очистить себя от избыточной поэтичности, образной размытости. Так философ добивается строгости мысли, отточенности её смысла. Понятие снимает противоречия, в то время как поэтическое слово, напротив, играет оттенками, полусмыслами, метафорическим мерцаниями. Вот, к примеру, стихотворение Н. Заболоцкого:

Зацелована, околдована,
С ветром в поле когда-то обвенчана,
Вся ты словно в оковы закована,
Драгоценная моя женщина.

Обвенчанность с ветром в поле – прекрасный образ вольности и свободы. Но тогда почему «Вся ты словно в оковы закована...»? Нашему воображению кажется: либо с ветром в поле, либо в оковах. Но умышленная метафорика поэта рождает особый образ, сотканный из противоречий. Образ женщины, сошедший с тёмного неба, не так-то просто соединить со звездой моей сумасшедшей. Но таковы жанровые особенности поэтического слова.

Понятие тоже не свободно от нарушений смысла. «Понятие может оказаться пустым, – отмечает В.Н. Маркин, – по разным причинам: во-первых, в силу сложившихся обстоятельств (напр., “король, правивший во Франции в XX веке”) или в силу законов природы (напр., “вечный двигатель”), такие понятия называют фактически пустыми; во-вторых, в силу логической противоречивости его содержания (напр., “режиссёр, поставивший все пьесы Чехова и не поставивший чеховской ‘Чайки’”), их называют логически пустыми» [10, с. 286].

Однако возможно ли сближение строгого понятия с образной неконкретностью и свободой смысловой самовыражения? Понятие и образ всегда искали точки соприкосновения. Но наш век отчётливо обозначил эту тенденцию. Понятное дело, что речь идёт не только о философии, которая обращена к природе, воображению или искусству. Здесь понятийная защищённость уступает место символу или метафорической многослойности.

В книге «Эстетика немецких романтиков» авторы нередко обращаются к «строгим» темам: экспозиции физиологии, органономии, т. е. учении о законах органической жизни. Вот размышления Йозефа Гёрреса, известного романтика XIX в. **Материализм как философская картина мира** не вызывает у него сочувствия. Поэтому он против пренебрежительного отношения к важнейшим событиям, которые происходят в науке и искусстве. Отсюда поэтичность слова. Он иронизирует над теми, кому свойственна «...слепота ко всему, что нельзя потрогать руками, что сколько-нибудь возвышается над областью самых низших форм возбуждения, претензии на то, чтобы предельной высотой, доступной смертным, считать ту высоту, на которую они с великим трудом вскарабкались в течение тысячелетий, а всё действительно высокое рассматривать как зачарованный круг выдуманных призраков и держаться от него подальше» [5, с. 125].

В XX в. вопрос о статусе поэтического языка приобрёл особый смысл. Обозначились серьёзные идейные размежевания. М. Хайдеггер и Э. Гуссерль стали искать новые ресурсы в обновлении философии и в особенностях, которые присущи поэзии. Менее всего этих исследователей интересовали эстетические вопросы. Они обнаружили, что для выражения истины и приобщения к бытию понятийных средств явно не хватает. Чтобы приблизиться к онтологическим истокам, надо искать такие выразительные средства, которые, вообще говоря, относятся к древности.

Как только Хайдеггер приступил к поиску онтологического истока, возникла проблема оформления философской мысли. Она выразилась в остром ощущении дефицита языка. Для выражения потаённых мыслей и обозначений не хватало лексических средств, лингвистических ресурсов. Языковая стратегия Хайдеггера подверглась преобразению. Общая тенденция свелась к отказу от формального категориального языка. Обозначилось стремление к языку дорефлексивному, допонятийному. Иначе истина «имеет дело с соответствием не в вещах или идеях, но относится по сути дела исключительно к сочетанию звуковых знаков языка. Совершенно “чистое”, существующее помимо языка мышление не знало бы различия истинности и ложности, возникающего лишь в речи и благодаря ей. Таким образом, вопрос о значимости и происхождении понятия с необходимостью отсылает к вопросу о происхождении слова: исследование генезиса значений слов и классов слов оказывается единственным средством, способным открыть для нас имманентный смысл понятия и его функцию в структуре познания» [7, с. 217].

Новое философское поветрие вызвало споры. Против того, чтобы «подшить» философию к поэзии, выступил известный французский философ Ален Бадью. Он отметил, что в период, который обозначается как постгегелевский, философия стала подстраиваться под научные или политические условия. Более того, философия взяла на себя опреде-

лённые функции, свойственные этим формам интеллектуальной активности. Действительно, там, где поэзия распознаваема как работа мысли, пробуксовывает философия. Поэты не собирались заменить философов, у них не было ясного отчёта о такой подмене.

А. Бадью отметил, что соперничество поэта и философа – давняя история. Ещё Платон подверг суровой проверке поэзию и поэтов. Но после Ницше рождается феномен поэтического самовыражения философской мысли. Такие авторы, как К. Жамбо и Т. Лардро, восторженно отзываются о выраженных поэтически метафорических воспарениях. Востока. Стихи раскрыли и удержали поколебленный смысл эпохи. Они предъявили форму самого открытого доступа к вопросу о бытии, менее всего схваченного философией. Целая эпоха предстала в короткометражных философиях. Расшатанность мысли спаялась в образ.

Чтобы выразить философскую мысль, теперь предстояло подготовиться к поэзии. Философия пытается вписаться в поэтические условия. «До сих пор мысль Хайдеггера черпает свою силу убеждения из того, что только она сумела уловить, что же обсуждалось в стихотворении, а именно, отстранение фетишизма объекта, противопоставление истины знанию и, наконец, принципиальная утрата направления, дезориентация нашей эпохи» [1, с. 44].

«Назад к вещам!»

Переориентация философии нашла своё выражение в призыве Э. Гуссерля «Назад к вещам!». Этот призыв относился также и к Хайдеггеру. Однако общие позиции в данном случае не совсем совпадали. Гуссерль трактовал феноменологию как строгую науку. Исходный пункт феноменологии как философского учения – возможность обнаружения и описания интенциональной (направленной на предмет) жизни сознания. Существенная черта феноменологического метода – отказ от любых непроясненных предпосылок. Феноменология также исходила из идеи неразрывности и в то же время взаимной несводимости (нередуцируемости) сознания и предметного мира (природы, социума, духовной культуры).

Гуссерлевский лозунг «К самому предмету!» ориентирует на отстранение от причинных и функциональных связей, существующих между сознанием и предметным миром, а также на отказ от признания их мистического взаимопревращения. Тем самым за сознанием остаётся лишь функция смыслообразования (установление смысла предметов), не связанная с какими-либо мифологическими, научными, идеологическими и повседневно-обыденными установками. Движение к предметам – это воссоздание смыслового поля (поля значений) непосредственно между сознанием и предметами.

Что касается Хайдеггера, то он отказывался от всякой научности, отдавая предпочтение праязыковым формам мышления. Эта установка была направлена на постижение мира в его первоизданности, в его первоистоке, где слышен голос крови и почвы. М. Хайдеггер следует за В. Гумбольдтом, с именем которого связана традиция изучения корней и основ естественного языка. Сам же Хайдеггер искал истоки бытия в корневых основах языка.

Эта переоценка языка оказалась устойчивой тенденцией. «В общем и целом я говорю на мёртвом языке, – писал Ж. Батай. – Этот язык, как я полагаю, и есть язык философии. Осмелюсь здесь сказать, что, по-моему, философия – это ещё и умерщвление языка. Это тоже жертвоприношение. Та упомянутая выше операция, при которой происходит синтез всех возможностей, заключается в уничтожении всего того, что приносит язык, подменяя опыт бурлящей жизни – и смерти – какой-то нейтрально-безразличной сферой. Я хотел призвать вас не доверять языку» [2, с. 695].

Что означает призыв «назад к вещам»? Очевидно, для осмысления этого принципа требуется толкование слова «вещь». Выявление вещи – в том, что она есть. Через это называние само сущее получает слово в том, что оно само есть. «Категория есть называние сущего в том, что собственно присуще его виду, т. е. *собственное* имя, взятое во вполне широком смысле» [17, с. 115]. Далее М. Хайдеггер поясняет: «В событии мира как мира, в веществовании вещи издаюлка даёт о себе знать приближение самого бытия» [20, с. 256].

Но отчего всё же в возвращении к реальности мира, к непреложности вещи заключено обновление философии? Неужели вещь обладает такой непреложностью, конкретностью, что она позволяет изменить ракурс философии? На самом деле сама вещь может остаться неувиденной. «Устанавливающая работа поставка [термин М. Хайдеггера. – Е.А.] ставит своё представление прежде вещи, оставляет вещь как таковую неувиденной, бес-призорной. Тем самым постав за-ставляет собою близость мира, приближаемую вещью. Постав за-ставляет даже саму эту заставленность, наподобие того как забвение чего-либо забывает и о самом себе, затуаунное воронкой беспамятства. Полное забывание даёт вещи пропасть в потаённости, но и сама эта пропажа падает в потаённость, которая в свою очередь выпадает в такой пропаже» [20, с. 257].

Хайдеггер проясняет понятие «вещи» на примере времени. Мы говорим: всякая вещь имеет своё время. Что это означает? Всякое сущее когда-либо есть. Оно является и затем в должное время уходит. У каждой вещи есть свой срок. «Но бытие разве вещь? Так ли бытие есть во времени, как всякое сущее? Есть ли вообще бытие? Если оно есть, мы должны были бы неизбежно признать его за нечто сущее и соответственно обнаруживать среди прочего сущего как такое же. Эта аудито-

рия *есть*. Аудитория *есть* освещённая. Освещённую аудиторию мы безо всякого и без раздумий признаём за нечто сущее. Однако где во всей аудитории найдём мы это её “*есть*”. Нигде среди вещей бытия мы не найдём. У всякой вещи своё время. А бытие никакая не вещь, оно не во времени. И всё равно бытие как присутствие, как настоящее определено временем, временным» [16, с. 542]. По словам Хайдеггера, бытие никак не вещь, соответственно оно не есть нечто временное, хотя в качестве присутствия оно всё равно определяется временем.

Опущение языка

Постепенно в философском языке М. Хайдеггера появляются слова, находящиеся в потоке обычной речевой стихии. Так, он вводит понятие бездомности, которое радикально отличается от строгих категорий официальной философии. Между тем само слово предумышленно противостоит отвлечённым реалиям. «Бездомность, ожидающая такого осмысления, коренится в покинутости сущего бытием, – отмечает Хайдеггер. – Она признак забвения бытия. Вследствие его забытости истина бытия остаётся непродуманной. Забвение бытия косвенно даёт о себе знать тем, что человек рассматривает и обрабатывает только сущее. Поскольку он при этом не может обойтись без какого-то представления о бытии, бытие истолковывается им просто как “наиболее общее” и потому всеобъемлющее среди сущего, или как творение бесконечного Сущего, или как создание некоего абсолютного субъекта. Вдобавок “бытие” истории именуется “сущим” и наоборот, “сущее” – бытием, оба словно кружась в загадочной и ещё не осмысленной подмене» [19, с. 286].

Но как прорваться к потаённости бытия? Хайдеггер ищет такую возможность в поэзии. «Поэтому мысль слушавшего судьбу мира Гёльдерлина, нашедшее слово в стихотворении “Воспоминание”, сущностно ближе к истоку и тем самым ближе к будущему, чем “всепонимание” “гражданина мира” Гёте. По тем же причинам отношение Гёльдерлина к греческому миру есть нечто существенно иное, чем гуманизм. Поэтому молодые немцы, знавшие о Гёльдерлине, думали и испытывали перед лицом смерти нечто другое, чем то, что общественность выдавала за мнение немцев» [19, с. 286].

М. Хайдеггер утверждает, что бездомность становится судьбой мира. Но для выражения позиции человека в историческом событии бытия немецкий философ использует слово «пастух». И это сознательное приближение мысли к простым человеческим очевидностям. «Человек – пастух бытия, – пишет Хайдеггер. – Только к этому подбирается мысль в “Бытии и времени”, когда экстатическое существование осмысливается там как “забота”» [19, с. 279–280].

Проблема метода у М. Хайдеггера формируется через его отношение к феноменологии. Она и является для него «методом разыскания» исходного потока – бытия, «смысла бытия вообще». «Мысль, стремившаяся вникнуть в истину бытия, в скудости первого прорыва дала слово лишь очень мало чему из совершенно другого измерения. Её язык ещё к тому же и фальшивил, потому что ему не удалось, используя существенно необходимую подмогу феноменологического видения, отбросить тем не менее неуместную ориентацию на “науку” и “исследование”» [19, с. 300].

Принцип «К самим вещам!» не совместим с какими бы то ни было искусственными конструкциями, учениями, построениями, случайными догадками и находками. Хайдеггер столкнулся с бедностью, с дефицитом языка, пытаясь вывести понятие из опыта заботы. Продвижение к истоку оказалось невозможным без его толкования. Причём не только его непосредственного смысла, но обоснования, ссылаясь на него. Так «герменевтика фактичности» оказывается для Хайдеггера базовой. К этому следует добавить, что сама практика продвижения к истоку может трактоваться как олицетворение герменевтического метода.

Действительно ли Хайдеггер сводил язык к онтологической реальности? Об этом свидетельствует как будто формула «язык – дом бытия». Но не является ли такая трактовка своеобразным редукционистским упрощением? Само выражение «путь к языку» рождает иллюзию, будто язык находится где-то в стороне от нас, на определённой дистанции. Чтобы воспользоваться им, нам нужно ещё отправиться в путь. Но это заблуждение. «А собственно требуется ли вообще какой-то путь к языку? Ведь согласно старинной дефиниции мы как раз те существа, которые обладают даром речи и у которых, стало быть, уже есть язык. Больше того, дар речи даже не какая-нибудь *одна* из человеческих способностей рядом со многими другими. Дар речи отличает человека, только и делая его человеком. Этой чертой очерчено его существо. Человек не был бы человеком, если бы ему было отказано в том, чтобы говорить – непрестанно, всеохватно, обо всём, в многообразных разновидностях и большей частью в невысказанном “это есть то”. Поскольку обеспечивает всё подобное язык, сущность человека покоится в языке» [21, с. 369].

В чём смысл сохранности истока? Он оказался сокрытым, придаленным накопившимися в философии метафизическими конструкциями, рассудочными напластованиями. Каковы же последствия этой перегруженности языка? В результате отмеченных тенденций онтология превратилась в учение о сущем. «Необходимо выйти за пределы этих построений, отказаться от них, дойти до праязыка, причём буквально – выйти из прокуренного кабинета Канта, из помещения, из аудитории, в которой стоял за кафедрой Гегель, на свежий воздух, уехать за город, в поле, в лес. Поиск истока и осмысления этого поиска толкает философа

и на поиск истока языка, и поиск своего места жительства в мире, заставляет его говорить на языке мест, куда не ступала ни одна нога человека» [12, с. 196].

Разумеется, сам призыв отправиться в поле не гарантирует погружения в нужную языковую стихию. Но есть ещё одна сфера человеческой активности, которая помогает преодолеть косность, формализм, онаученность философского языка. Такой сферой является поэзия. Высвобождение языка из рамок грамматики на простор какой-то более исходной сущностной структуры препоручено, по словам Хайдеггера, мысли и поэзии. Да, разумеется, сама мысль способна осуществить высвобождение языка, но здесь есть немалые трудности. Философия принуждена всё время оправдывать своё существование, поскольку она соизмеряется с наукой. Так её неотступно сопровождает страх утратить свой авторитет и значимость, если она не будет наукой.

М. Хайдеггер постоянно обращается к поэзии Ф. Гёльдерлина. Поэт озабочен возвращением домой. Он пользуется сопоставлением Запада и Востока. Но речь идёт вовсе не о региональном аспекте. Запад мыслится не как Европа, а близость к истоку. «Мы едва только начали осмысливать те таинственные отношения с Востоком, которым Гёльдерлин дал слово в своей поэзии. <...> О “германском” говорится не миру, чтобы он припал к целительным германским началам, но говорится немцам, чтобы они через свою судьбоносную принадлежность к народам стали с нами участниками истории мира» [19, с. 283].

Постав

К образному ряду понятий у Хайдеггера относится и слово «Gestell». Оно было переведено на русский язык словом «постав». Так определяется скрытая сила, порождающая сущность и феномен современной техники. Но это не просто сущность техники, а некое таинственное начало, порождающее её. «Постав» – это бытие техники. Термин «Gestell» являет собой, если использовать язык Канта, трансцендентальную предпосылку современной техники. Предлагая этот термин, Хайдеггер пытается закрепить общезначимое слово, которое в обычном его значении переводится как «стойка», «каркас», «подставка» или что-то в этом роде. Однако он придаёт этому термину более глубокий философский смысл. Gestell выражает объединённое содержание тех ориентаций, которые направляют человека, бросают ему вызов, зовут его к раскрытию реального, подобно приказу, к созданию резервов. Корень «Stell» – основа, от которой образован термин «stellendes» (устанавливающее, ориентирующее). Gestell означает тот способ открытия, который определяет сущность современной техники, но и сам он не имеет технической природы.

Этот каркас, или Gestell, не является частью техники; он является той установкой, которая лежит в самой основе современной техники, пребывает внутри технической деятельности.

Проще говоря, этот термин означает техническое отношение к миру. С определённой точки зрения Gestell является безличностным познавательным «каркасом». Однако с точки зрения Хайдеггера, Gestell – нечто более фундаментальное, чем то, что может быть выражено термином «безличностное волнение». И это – наиболее интересное и «интригующее» его утверждение. Gestell не только «полагает» и делает вызов миру – такого рода идея уже содержит в себе элементы воли, – он также ориентирует человека и призывает его самого бросить вызов миру, «творить» мир.

Трактовка понятия «постав» Хайдеггером не выходит за рамки поэтического мышления. «Постав встаёт на пути свечения и правления истины. Миссия, посылающая на исторический путь поставления действительности, есть поэтому высший риск. Опасна не техника сама по себе. Нет никакого демонизма техники; но есть тайна её существа. Существо техники как миссия раскрытия потаённости – это риск. Изменённое нами значение слова “постав”, возможно, делается нам намного ближе, если мы подумаем теперь о поставе в смысле посланности и опасности» [15, с. 324].

М. Хайдеггер иначе трактует существо техники. Он усматривает угрозу техники не в губительном действии машин и разного рода аппаратов. Опасность постав не в этом. Здесь кроется другая опасность. Человек может утратить исходное раскрытие потаённого. А это означает, что он не сможет расслышать голос ранней истины. Но, отстраняясь от точки зрения Гёльдерлина, он полагает, что именно в существе техники могут таиться ростки спасения. Чтобы найти их, следует взглянуться в то, что есть на самом деле постав.

Постав не является собирательным понятием. Например, то, что присуще всем видам деревьев (дубу, буку, берёзе, сосне), есть одна и та же древесность. Но постав – это не общий вид технического. Это не прибор и не какое-нибудь устройство. «Постав есть один из способов раскрытия потаённости, на который посылает судьба исторического бытия, – а именно производственно-поставляющий способ» [15, с. 325]. Постав как миссия раскрытия потаённости есть существо техники, он никоим образом не сущность в смысле родовой общности, не essential?

Хайдеггер указывает на роль поэзии вообще в раскрытии потаённого. Он отмечает, что когда-то не только техника носила понятие «техне». Этим словом называлось раскрытие потаённого, которое выводит истину к сиянию явленности. «В начале европейской истории в Греции искусства поднялись до крайней высоты осуществимого в них раскрытия тайны. Они светло являли присутствие богов, диалог божественной и человеческой судьбы. И искусство называлось просто “техне”. Оно

было одним, единым в своей многосложности, раскрытием потаённого» [15, с. 329]. Существом пронизано всякое искусство, всякое выведение существенного в непотаённость красоты.

Естественно, возникает вопрос: будут ли изящные искусства снова призваны к раскрытию потаённого? Потребуется ли от них это раскрытие большей изначальности, так что они в своей доле участия будут возвращать спасительное, вновь будить и поддерживать внимание и доверие к тому, что реализуется?

«Слово бытия»

Итак, в европейской традиции язык долгое время рассматривался чисто функционально, как прагматически полезная система общения. Такой инструментальный подход к языку сменился в минувшем веке трансцендентально-герменевтическим подходом. Преобразилась и оценка поэтического языка. Он всё чаще стал оцениваться как праязык, неотторжимо связанный с бытием и истиной. А. Бадью считал, что искусство сохраняет свой автономный статус. Да, поэзия мыслит, и поэтический язык по-прежнему рассматривается как чувственная форма мысли. Но нет необходимости наделять поэтический язык онтологическим статусом. Поэтический язык указывает на бытие, но оно по-прежнему остаётся за пределами бытия.

Однако позиция М. Хайдеггера и Г.Г. Гадамера приобрела достаточную популярность. Прежде всего это расширяет границы эстетической теории. В работах Хайдеггера и Гадамера поэтический язык рассматривается с онтологической и герменевтической позиций. Так, поэтический язык оценивается не только как средство для выражения определённого поэтического опыта. Особая ценность придаётся самому этому опыту, который сам по себе выражает понимание мира и самопонимание человека.

Поэтический язык оценивается ими не как объект исследования... В истории развития филологической науки проблема поэтической речи / поэтического языка то изучалась и развивалась в границах языкознания, то выходила за пределы лингвистики. Долгое время лингвисты и литературоведы оспаривали друг у друга право исследования поэтических текстов, и большинство лингвистически ориентированных исследований таких текстов начиналось с попытки обосновать тезис о том, что лингвистика тоже имеет право на изучение проблем поэтической речи. В настоящее время закономерность лингвистических изысканий в данной области можно считать доказанной. Более того, в рамках филологии со временем выдвинулось особое направление – лингвистическая поэтика (теория поэтической речи), занимающаяся «рассмотрением поэтических произведений сквозь призму языка и изучающей доминантную в поэзии функцию» [24, с. 81].

Теперь же поэтический язык воспринимается как «фундаментальный экзистенциал» человеческого бытия, «слово бытия» (Хайдеггер) или «среда понимания», «бытие, которое может быть понято» (Гадамер). «Поэтический язык становится основанием онтологии и герменевтики и теряет то прикладное значение, которым его наделяют формализм и структурализм. На наш взгляд, такое не инструментальное отношение к поэтическому языку ведёт не столько к “потере направления” в философии, сколько к обоснованию нового подхода к поэтическому языку, принимающего во внимание как трансцендентальный характер поэтического языка, обуславливающего наш опыт, так и его творческий потенциал, направленный на активное преобразование мира» [8, с. 4].

М. Хайдеггер свои концептуальные выводы подтверждает конкретным анализом поэзии. Особая роль отводится при этом поэзии Гёльдерлина. Поэзия этого автора повлияла на творчество Гегеля. Когда Гегель решал вопрос о том, кто из мыслителей повлиял на его творчество, он в первую очередь называл те философские системы, которые предшествовали его трудам. Духовную связь с Гёльдерлином Гегель несправедливо оттеснил на периферию, полагая, что она относится скорее к предыстории их духовного возмужания. Сложность проблемы состоит в том, что само влияние поэта вовсе не сводилось к тому, что он внёс в творчество Гегеля определённые философские идеи. Однако только сочетание того, что было получено от Гёльдерлина, позволило философу создать свою систему. Основные тезисы философии Гегеля одновременно близки и противоположны взглядам Гёльдерлина.

Собственно философские идеи самого поэта нет причины недооценивать. Они достаточно оригинальны. Сознание эпохи не выражает себя в полной мере в одной преобладающей философской системе. Существенную роль здесь могут сыграть и разнообразные «притоки» мысли. Таким «притоком» по сравнению с эмпиризмом и метафизикой XVIII в. стала философия «всеединого», которая восходила к платоновским источникам. Основная тема этой философии – высшее желание человека. Именно в рамках этой философии Гёльдерлин сформулировал свою жизненную проблему, сумел критически переосмыслить идеи Фихте и направил Гегеля на новый путь [см.: 13].

Впрочем, Хайдеггера интересует не сходство философских сюжетов. Творчество Гёльдерлина становится для него поводом для философских изысканий. Философ отмечает, что нам всё больше приходится отказываться от случайного и неподготовленного чтения стихотворений. Всё более поразительно открывается требование и власть поэзии. Но усиливаются также, подчёркивает Хайдеггер, и наши сомнения в толковании конкретных поэтических строк. Пусть существо поэзии поистине состоит в том, что она подвергает историческое здесь-бытие человека существу в целом, и всё же остаётся под вопросом: должно ли ещё именно речевое образование, чистый разговор обладать возможностью осуще-

ствлять подобное в столь изначальном смысле? Непосредственные реалии могут всё же опрокинуть нас совсем по-иному, реальные происшествия совсем по-другому вовлекают нас в здесь-бытие, непосредственные поступки являют абсолютно иное столкновение с сущим, чем это простое сказывание поэзии.

Оценивая поэзию Гёльдерлина, Хайдеггер ставит множество вопросов: как, например, обстоит дело с речевым характером поэзии? Как обстоит дело с самой речью? Как относится она к историчному здесь-бытию человека? Как прежде всего сам Гёльдерлин опознаёт и понимает речь? Мы обязаны знать, как Гёльдерлин определяет взаимоотношение историчного здесь-бытия человека и речи, что в особенности наше стихотворение в его поэтическом характере раскрывается для нас как своеобразно изменяющееся сказывание о речи.

Поэтический язык М. Хайдеггер толкует как подлинный модус существования языка. Менее всего язык служит целям передачи информации. Язык оказывается местом свершения истины бытия. Хайдеггер устраняет границу между искусством и существованием. Впервые в наследии философа раскрыт статус поэтического ритма.

Список литературы

1. Бадью А. Манифест философии / Сост. и пер. с франц. В.Е. Лапицкого. СПб.: Machina, 2003. 184 с.
2. Батай Ж. Проклятая часть. Сакральная социология. М.: Ладомир, 2006. 742 с.
3. Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991. 367 с.
4. Гадамер Х.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики / Пер. с нем. и вступ. ст. Б.Н. Бессонова. М.: Прогресс, 1988. 704 с.
5. Гёррес Йозеф. Афоризмы об искусстве // Эстетика немецких романтиков. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, Университетская книга, 2014. С. 19–126.
6. Голосовкер Я. Избранное: Логика мифа. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2010. 496 с.
7. Кассирер Э. Философия символических форм: в 3 т. Т. 1. Язык. М.; СПб.: Университетская книга, 2002. 272 с.
8. Козлова М.В. Концепция поэтического языка в эстетике XX века (Хайдеггер, Гадамер, Бадью): Автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2015. 28 с.
9. Козлова М.В. Метафизика метафоры и загадка поэтического слова (Концепция поэтического языка в философии Мартина Хайдеггера) // Horizon. Феноменологические исследования. 2014. Т. 3. № 1. С. 9–24.
10. Маркин В.И. Понятие // Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 3 / Пред. научно-ред. совета В.С. Степин. М.: Мысль, 2010. С. 286.
11. Руберт И.Б., Тимралиева Ю.Г. Поэтический язык как объект лингвистических исследований // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2017. № 3. С. 95–100.

12. *Смирнов С.А.* Антропологический навигатор. К событийной онтологии человека. Новосибирск: ООО «Офсет-ТМ», 2016. 438 с.
13. *Спирова Э.М.* Влияние Гельдёрлина на творчество Гегеля // *Филология: научные исследования.* 2014. № 1 (13). С. 58–64. DOI: 10.7256/2305-6177.2014.1.10898
14. *Хайдеггер М.* Бытие и время: Статьи и выступления / Пер. с нем. В.В. Библихина. СПб.: Наука, 2007. 621 с.
15. *Хайдеггер М.* Вопрос о технике // *Хайдеггер М.* Бытие и время: Статьи и выступления. СПб.: Наука, 2007. С. 306–329.
16. *Хайдеггер М.* Время и бытие // *Хайдеггер М.* Бытие и время: Статьи и выступления. СПб.: Наука, 2007. С. 541–562.
17. *Хайдеггер М.* Европейский нигилизм // *Хайдеггер М.* Бытие и время: Статьи и выступления. СПб.: Наука, 2007. С. 87–244.
18. *Хайдеггер М.* О поэтах и поэзии: Гёльдерлин. Рильке. Тракль. М.: Водолей, 2017. 240 с.
19. *Хайдеггер М.* Письмо о гуманизме // *Хайдеггер М.* Бытие и время: Статьи и выступления. СПб.: Наука, 2007. С. 266–305.
20. *Хайдеггер М.* Поворот // *Хайдеггер М.* Время и бытие: Статьи и выступления. М.: Республика, 1997. С. 253–259.
21. *Хайдеггер М.* Путь к языку // *Хайдеггер М.* Бытие и время: Статьи и выступления. СПб.: Наука, 2007. С. 359–378.
22. *Хайдеггер М.* Разъяснения к поэзии Гёльдерлина / Пер. с нем. Г.Б. Ноткина. СПб.: Академический проект, 2003. 320 с.
23. *Эстетика немецких романтиков.* М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, Университетская книга, 2014. 576 с.
24. *Якобсон Р.* Работы по поэтике. М.: Прогресс, 1987. 462 с.

MAN IN THE WORLD OF ART

Elizaveta ANTONOVA

Head of the Department for the Preparation of Thematic Materials,
“International Llife” magazine (Russian Foreign Ministry).
Gorokhovskiy lane, 14, Moscow 105064, Russian Federation;
e-mail: grinui@rambler.ru

POETIC LANGUAGE OF PHILOSOPHY

The artistic image is a special form of reflection of reality, different from the concept. These two words can be considered as two models of cognition. Science fixes the results of its activities in terms of concept. It is through them that science selects certain objects from a certain subject area and collects them into the class to indicate their common and distinctive feature. Thus, science provides the rigor of the theoretical search. The concept is one of the main forms of reflection of the reality of the world on the rational, logical stage of knowledge. As for the image, its features are different. First of all, it is a product of imagination. In that way in philosophy and aesthetics is called the ability to create, hold and reproduce the image of the object in the absence of the object itself as an individual, unique phenomenon or process. Traditionally, there is a “division of labour” between concept and image. The concept serves science, the image is the privilege of art. In philosophy, the image is considered as a universal category of artistic creativity. The image is an element or part of an artistic creation that usually has its own life. Art is unthinkable without an image.

In the article it is emphasized that the concept and the image, despite the difference of essence and functions are sometimes drawn to each other. To convey a thought more accurately, philosophers often search for a metaphor, for a symbol to express a theoretical thought more accurately. Thus, a scientist sometimes resorts to poetry to emphasize those aspects of his work that need a metaphorical language.

The author draws attention to the current trend, which is expressed in the fact that the convergence of philosophy and poetic language becomes obvious. And the appeal to poetry is particularly clearly found among those philosophers who seem to be least in need of poetic interventions. This applies, for example, to M. Heidegger. The article notes a certain evolution

in the work of this philosopher. To express the subtle shades of thought, the shimmering meaning of a concept without poetic imagery is impossible. Moreover, according to Heidegger and Husserl, the rationality of philosophy often emasculates thought, makes it abstract, deprives of brightness and attractiveness. That is why big thinkers began to look for new resources in poetry to enrich the language of philosophy. M. Heidegger began a deep study of German poets, finding in their insights unconditional harmony with his own thoughts and poetic search. Of course, we are not talking about how to decorate the philosophical reflection by a bright image, a symbolic analogue. The treatment of the language suggests its deeper comprehension. Heidegger, for example, deliberately refuses all the scientific. He follows W. Humboldt, who sought to find the ground in the language. That is why W. Humboldt showed a special interest in the roots and basics of natural language. Appreciating this tradition, Heidegger looks for the origins of life in the root foundations of language. So in the characterized searches there was also a renewal of philosophy. In particular, ontology has become a teaching about the being.

The article analyzes specific examples that allow to penetrate through the language into the essence of a problem. The language itself has undergone a certain transformation. If a few centuries ago it was interpreted only as a pragmatically useful system of communication, in the last century this approach was replaced by a transcendent-hermeneutic one. The evaluation of the poetic language has also changed. It increasingly became seen as a proto-language, inextricably associated with being and truth.

Keywords: being, real, image, thinking, reflection, life world, language, poetry, homelessness, hiddenness

References

1. Badiou, A. *Manifest filosofii* [Manifest of Philosophy], trans. V. Lapitskii. St. Petersburg: Machina Publ., 2003. 184 pp. (In Russian)
2. Bataille, G. *Proklyataya chast'. Sakral'naya sotsiologiya* [Cursed part. Sacred Sociology]. Moscow: Lodomir Publ., 2006. 742 pp. (In Russian)
3. Cassirer, E. *Filosofiya simvolicheskikh form* [Philosophy of the Symbolic Forms], Vol. 1. Yazyk [Language]. Moscow, St. Petersburg: Centre of Humanitarian Initiatives Publ., 2002. 272 pp. (In Russian)
4. *Estetika nemetskikh romantikov* [Aesthetics of German Romantics]. Moscow, St. Petersburg: Centre of Humanitarian Initiatives Publ., 2014. 576 pp. (In Russian)
5. Gadamer, H.-G. *Aktual'nost' prekrasnogo* [The relevance of beauty]. Moscow: Iskusstvo Publ., 1991. 367 pp. (In Russian)
6. Gadamer, H.-G. *Istina i metod. Osnovy filosofskoi germenetiki* [Truth and Method. Basics of philosophical hermeneutics], trans. B. Bessonov. Moscow: Progress Publ., 1988. 704 pp. (In Russian)

7. Golosovker, Ya. *Izbrannoe: Logika mifa* [Selected Works: Logic of Myth]. Moscow, St. Petersburg: Centre of Humanitarian Initiatives Publ., 2010. 496 pp. (In Russian)
8. Görres, J. “Aforizmy ob iskusstve” [Aphorisms of Art], *Estetika nemetskikh romantikov* [Aesthetics of German Romantics]. Moscow, St. Petersburg: Centre of Humanitarian Initiatives Publ., 2014, pp. 19–126. (In Russian)
9. Heidegger, M. “Evropeiskii nigilizm” [European nihilism], in: M. Heidegger, *Bytie i vremya: Stat'i i vystupleniya* [Being and Time: Articles and Speeches]. St. Petersburg: Nauka Publ., 2007, pp. 87–244. (In Russian)
10. Heidegger, M. “Pis'mo o gumanizme” [Letter on Humanism], in: M. Heidegger, *Bytie i vremya: Stat'i i vystupleniya* [Being and Time: Articles and Speeches]. St. Petersburg: Nauka Publ., 2007, pp. 266–305. (In Russian)
11. Heidegger, M. “Povorot” [Turning], in: M. Heidegger, *Bytie i vremya: Stat'i i vystupleniya* [Being and Time: Articles and Speeches]. Moscow: Respublika Publ., 1997, pp. 253–259. (In Russian)
12. Heidegger, M. “Put' k yazyku” [The Path to the Language], in: M. Heidegger, *Bytie i vremya: Stat'i i vystupleniya* [Being and Time: Articles and Speeches]. St. Petersburg: Nauka Publ., 2007, pp. 359–378. (In Russian)
13. Heidegger, M. “Vopros o tekhnike” [Question of Technology], in: M. Heidegger, *Bytie i vremya: Stat'i i vystupleniya* [Being and Time: Articles and Speeches]. St. Petersburg: Nauka Publ., 2007, pp. 306–329. (In Russian)
14. Heidegger, M. “Vremya i bytie” [Time and Being], in: M. Heidegger, *Bytie i vremya: Stat'i i vystupleniya* [Being and Time: Articles and Speeches]. St. Petersburg: Nauka Publ., 2007, pp. 541–562. (In Russian)
15. Heidegger, M. *Bytie i vremya: Stat'i i vystupleniya* [Being and Time: Articles and Speeches], trans. V. Bibikhin. St. Petersburg: Nauka Publ., 2007. 621 pp. (In Russian)
16. Heidegger, M. *O poetakh i poezii: Gel'derlin. Ril'ke. Trakl'* [About Poets and Poetry: Hölderlin. Rilke. Trakl]. Moscow: Vodolei Publ., 2017. 240 pp. (In Russian)
17. Heidegger, M. *Raz'yasneniya k poezii Gel'derlina* [Explanation of Poetry of Hölderlin], trans. G. Notkin. St. Petersburg: Akademicheskii proekt Publ., 2003. 320 pp. (In Russian)
18. Jakobson, R. *Raboty po poetike* [Works on Poetics]. Moscow: Progress Publ., 1987. 462 pp. (In Russian)
19. Kozlova, M. “Metafizika metafory i zagadka poeticheskogo slova (Kontseptsiya poeticheskogo yazyka v filosofii Martina Khaideggera)” [The Metaphysics of Metaphor and the Mystery of the Poetic Word (The Concept of Poetic Language in the Philosophy of Martin Heidegger)], *Horizon*, 2014, Vol. 3, No. 1, pp. 9–24. (In Russian)
20. Kozlova, M. *Kontseptsiya poeticheskogo yazyka v estetike XX veka (Khaidegger, Gadamer, Bad'yu)* [The Concept of Poetic Language in the Aesthetics of the Twentieth Century (Heidegger, Gadamer, Badiou)]. Abstract of the Candidate's Thesis. Moscow, 2015. 28 pp. (In Russian)
21. Markin, V. “Ponyatie” [Concept], *Novaya filosofskaya entsiklopediya*, Vol. 3, ed. V. Stepin. Moscow: Mysl' Publ., 2010, p. 286. (In Russian)
22. Rubert, I. & Timralieva, Yu. “Poeticheskii yazyk kak ob'ekt lingvisticheskikh issledovaniy” [Poetic language as an object of linguistic research], *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*, 2017, No. 3, pp. 95–100. (In Russian)

23. Smirnov, S. *Antropologicheskii navigator. K sobytiinoi ontologii cheloveka* [An Anthropological Navigator. To an Event Ontology of Man]. Novosibirsk: Ofset-TM Publ., 2016. 438 pp. (In Russian)

24. Spirova, E. "Vliyanie Gel'derlina na tvorchestvo Gegelya" [The influence of Hölderlin on the work of Hegel], *Filologiya: nauchnye issledovaniya*, 2014, No. 1 (13), pp. 58–64. (In Russian)